

М.С. Маргулиес

**Год интервенции. Книга
первая**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.С. Маргулиес**
Год интервенции. Книга первая / М.С. Маргулиес – М.: Книга по Требованию,
2024. – 362 с.

ISBN 978-5-458-69120-8

ISBN 978-5-458-69120-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ АВТОРА.

Полагаю, что дневник, кто-бы его не вел, имеет интерес для правильного понимания исторических событий; думаю, что если его ведет лицо, силою вещей поставленное близко к центру некоторых из них, — дневник имеет особое значение; и, наконец, если дневник отмечает не личные настроения, а факты, события, действия и слова, то значение его еще более велико. Правда, дневники принято издавать тогда, когда отмечаемые ими события ушли в далекое прошлое; этот обычай особенно удобен для автора дневника, но для исторической правды он невыгоден. Необходимо своевременным появлением его на свет Божий — дать возможность лицам, в нем выведенным, внести исправления ошибок, неизбежных особенно в такие эпохи, как переживаемая, когда даже максимум самообладания не гарантирует полной объективности наблюдателя. Я решил поэтому печатать мой дневник теперь. Не буду говорить, в чем мои теперешние взгляды несогласны с тем, что я думал и делал в 1918 и 1919 г., — это несущественно; существенно то, что я записывал в дневник все, что считал интересным, в тот-же день, когда событие происходило или когда я узнавал

о нем. Если я не был сам свидетелем того, что я отмечал, я указывал от кого я узнавал; кое-что я в печати не передаю, — некоторые фамилии, по ряду понятных соображений, не названы, — в подлинных дневниках они имеются; во всяком случае спокойно могу утверждать, что записи мои правдивы.

Знаю, что многое в дневниках покажется мелким, несущественным. Оправдываюсь тем, что мне самому, признающему за людьми не малую роль в направлении событий, эти последние, представлялись яснее когда были ясны люди, сотрудничающие с так называемой «силою исторической необходимости»; что важнее, — эти плохо знакомые исторические законы или легче познаваемые люди, — вопрос спорный; несомненно, однако, что понимать одни без других трудно.

Считаю нужным сделать еще одну оговорку. В изложении событий, связанных с пребыванием моим в Северо-Западном Правительстве — получилось невольное «вздутие» моей собственной деятельности и роли в этом Правительстве; об'ясняется это весьма понятно тем, что в дневник заносилось главным образом хорошо известное мне лично. Я не хотел, чтобы благодаря «технике» писания дневника, было умалено значение работы моих товарищей, по силе умения и разумения работавших в истинно-каторжной обстановке над общим родным делом.

Дневник я начал вести 30-го ноября 1918 года; записывал ежедневно, за малыми перерывами до начала 1920 года. И лишь первая часть первого тома, — Ясская Конференция, — записана на память.

Берлин, ноябрь 1922 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



ЯССКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

ГЛАВА I

СОЗДАНИЕ СОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РОССИИ

Бегство из Совдепии. — Организация групп. — Выборы бюро С. Г. О. Р. — А. В. Кривошеин. — Барон В. В. Меллер-Закомельский. — Национальный Центр. — Земско-Городской Союз. — Центральный Военно-Промышленный Комитет. — Н. С. Брасова.

В конце сентября 1918 года, после одиннадцатимесячной борьбы с советской властью за независимость Центрального Военно-Промышленного Комитета¹⁾, председателем которого я был избран в декабре 1917 года, после вынужденного отъезда А. И. Гучкова из Петербурга, я должен был бежать из Москвы. Друзья предупредили меня, что один из рабочих, состоявший членом рабочей секции Комитета, всегда бывший в оппозиции к буржуазной его части, особенно назойливый и пытливый, поднял вопрос о своевременности возбуждения ходатайства перед чрезвычайкою об «изъятии» меня, как заведомого «контр-революционера». И хотя я был уверен, что без боя меня не выдадут наши

¹⁾ В дальнейшем обозначаемого Ц. В. П. К.-т.

Питерские рабочие, знавшие, как часто я боролся за их интересы в Совете по делам Страхования Рабочих при Министерстве Торговли и Промышленности (где я представлял Городское Управление, как гласный Петроградской Думы), я считал более благоразумным не испытывать судьбу и, захватив с собою сына, бежал через Южную Советскую границу. Ночью мы пробрались в крестьянской телеге между ст. Унеча и гор. Клиндами, который был в руках немцев. Обобранные большевистскими постами четыре раза (в последний раз ночью в лесу, во тьме кромешной), мы свободно вздохнули лишь в Гомеле, сев на пароход, который в чудную, ясную, солнечную погоду довез нас до Киева.

Первое впечатление от жизни кипучей, сытой, полной мыслей о наживе, комбинациях и развлечениях после вынужденно-монастырского режима Совдепии — было отвратительное; тут чувствовался пир во время чумы; а там напряженная борьба за свободу, за существование, натягивавшая нервы, как струны, делавшая многозначительным каждый момент наступившей жизни; большие вопросы, чреватые глубокими разрывами в социальных слоях государства, трактовавшиеся в повседневной прессе, подымали содержание жизни в Совдепии, несмотря на связанные с нею ужасы; и теперь в Киеве казалось, что океанский пароход после бурного плавания подошел к набережной модного курорта и — многие сознавались мне в том же, хотелось бежать обратно.

От тяжелого морального состояния — припадка того, что врачи могли бы назвать острым эмиграционным — ощущения пустого пространства, в котором гулко отдается только стук своего сердца — меня

избавила возможность поставить работу Ц. В. П. К-та на Юге России. Собрав несколько сотрудников и осведомившись о нуждах, как добровольческой армии, так и вербовавшихся тогда в кустарном порядке многочисленных офицерских дружин, мы принялись было за работу. Но более важные политические задачи скоро отвлекли мое внимание.

В Киев понемногу стали стекаться видные политические и общественные деятели со всей России. Каждый день, выходя на Крещатик, я встречал новых беглецов из Совдепии, начавших очень быстро разбиваться на привычные группы, незамедлившие установить между собою контакт.

Первой заявила о своем существовании группа членов Законодательных Палат (Государственной Думы всех созывов и Государственного Совета), выделившая из своего состава бюро под председательством графа Алексея Бобринского (б. министра земледелия, члена Государственного Совета). Первые шаги этой группы — обращение к немецкому правительству — встретили мало сочувствия со стороны Общества. Вторую стала организоваться группа земских деятелей. Инициаторы ее — С. Н. Маслов (многолетний председатель Орловской Губернской Земской Управы), А. С. Хрипунов (член Орловской Губернской Земской управы), М. А. Нарожницкий, Ф. В. Шлиппе (председатель Московской Уездной Земской Управы) созвали земских гласных, находившихся в Киеве, и предложили внепартийную программу, сводившуюся к одному: борьбе с большевиками. По примеру земцев решили организовать и представители городских управлений. Мы с Ю. Н. Глебовым (бывшим Петроградским Городским Головою) созвали городских гласных на

той же платформе, что и земцы, но исключительно гласных, принадлежащих к буржуазным группам; общее собрание избрало комитет из 5 лиц: Глебова (председатель группы), меня (тов. председателя), Н. А. Ростовцева, М. В. Брайкевича и В. В. Пржевальского.

Организация этих трех групп навела нас на мысль о желательности и дальше распространить организацию русской буржуазии по группам, объединив затем все группы в одно целое. Мысль об объединении русской буржуазии давно меня интересовала; но необходимость такого объединения стала особенно ясной после безнадежного провала буржуазии, начавшегося в Февральскую революцию и бесславно закончившегося в Октябрьскую. Я, разумеется, не допускал ни на минуту, чтобы такое объединение могло сделаться тараном, который свергнет Совдепскую власть; но казалось совершенно необходимым для выявления голоса протестующей России объединить буржуазные группы с тем, чтобы затем сговориться с группами социалистическими и, на этом сговоре, явить Европе единое мнение русских, неприемлющих Ленина. При этом мне казалось ценным объединить буржуазию не только в типично-классовых ее элементах, как торгово-промышленники и финансисты, но и охватить этим объединением университетскую интеллигенцию, землевладельцев, законодателей и т. д., чтоб затем использовать этот момент общей растерянности буржуазии для прочного выделения из нее левого демократического крыла. На необходимость создания такого крыла, (что я с группой единомышленников тщетно пытался сделать в 1905 году, учредив «Радикальную партию»), особенно указывало постоянное злоупо-

требление терминами «демократия» и «демократический», которое началось в Февральскую революцию и продолжается по сей день; оно не только продолжается, но и растет по мере утраты социальстами популярности в широких кругах «сочувствующих», обеспечивавших обычно победу социалистическим группам. Упорное стремление социалистической прессы упрочить в невежественных умах представление о социализме, как о создателе истинной демократии, требовало серьезного противодействия особенно в России, где, благодаря политической запоздалости страны, большинство буржуазной интеллигенции бросилось в ряды социалистических партий, предпочитая пребывание в своего рода «червовидных отростках» социализма, как часть наших социалистических партий, работе в рядах левой буржуазной демократии. Мысль об объединении буржуазных групп была встречена крайне сочувственно, и я, в качестве представителя Ц. В. П. К.-та, приступил немедленно к образованию Торгово-Промышленной и Финансовой групп.

Собрав на заседании представителей центральных Петроградских и Московских организаций Торговли и Промышленности, а также крупных столичных банков и, встретив с их стороны полное сочувствие, мы через короткое время имели еще две группы: торгово-промышленную и финансовую. Параллельно члены Законодательных Палат работали по созданию других групп и вскоре Группа Земельных Собственников, Церковная и Академическая присоединились к первым пяти.

На заседании Комитетов Земской и Городской Групп было окончательно решено: 1) объединить все группы в единую организацию «Совет Государ-

ственного Об'единения России» (в дальнейшем обозначаемый четырьмя заглавными буквами С. Г. О. Р.), 2) создать путем делегирования 5 лиц от каждой группы (причем члены Государственной Думы и Государственного Совета выбирали по 5 лиц от каждой палаты) пленум совета в составе 45 лиц, которые в свою очередь должны были избрать Бюро из 9 лиц. Мы долго спорили о председателе: группа земцев настаивала на предложении председательствования А. В. Кривошеину; городская группа настаивала на бароне В. В. Меллере-Закомельском (председатель Петроградской Губернской Земской Управы, член Государственного Совета). Последний выдвигался как председатель прогрессивного блока членов Государственной Думы и Государственного Совета, образовавшегося в конце 1916 года из прогрессивных членов Законодательных Палат (до левых националистов включительно) для борьбы с Правительством за введение зачаточной конституции в лице — Министерства Общественного Доверия (кадеты в 1916 году не решались еще требовать ответственного министерства). Мы указали на то, что социалистические партии и без того противопоставят себя нашему буржуазному единению, как единение демократическое, и нам не избежать клички реакционеров; лучше не давать для этого формального повода избранцем председателем Совета министра царского времени, хотя и бывшего среди царских министров одним из наиболее прогрессивных. Наша точка зрения победила, но мы с трудом убедили хворавшего барона В. В. Меллера-Закомельского принять на себя председательствование. В товарищи председателя были намечены А. В. Кривошеин (от Земельных Собственников),